

АЛЁНА Ш.

История одной травмы

КРАТКО

Алёна Ш.

История одной травмы. Кратко

«Издательские решения»

Алёна Ш.

История одной травмы. Кратко / Алёна Ш. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857223-4

СТРАНИЦЫ ПРОШЕДШЕГО Безумные обстоятельства и сложные чувства незаметно растворяются... становятся смешными, непутевыми и где-то очаровательными. **ТЕКСТЫ** Различные аспекты современной жизни в оригинально изложенных социальных зарисовках.

ISBN 978-5-44-857223-4

© Алёна Ш.
© Издательские решения

Содержание

Страницы прошедшего	6
Мама	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

История одной травмы Кратко

Алёна Ш.

© Алёна Ш., 2019

ISBN 978-5-4485-7223-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Страницы прошедшего

Мама

*Когда все настолько плохо, что вопрос: «Зачем я родила детей?»
становится последней каплей*

«Ты бы согласилась ежедневно принимать то количество лекарств, которое ты даешь ребенку?»

Возможно, всё началось именно с этой отрезвляющей фразы, озвученной моей матерью ее младшей сестрой. Созревшее же потом решение, отказаться от приема лекарственных препаратов и от обращений к врачам официальной медицины, явилось отправной точкой всей последующей истории.

На дворе стояла поздняя осень 1991-го: мне было чуть более восьми, моей сестре – около пяти лет. Примерно тогда в нашей семье взяла свое начало еженедельная традиция проводить очистительную процедуру с помощью «клизмы» или кружки Эйсмарха, после которой следовал один день голодания, завершавшийся такой же очистительной процедурой, – наслаждаться приемом пищи можно было только потом.

Спустя пару лет «клизма» была дополнена «прочищением желудка» – мероприятием, наводившим на меня первое время настоящий ужас, потому что проводила его мама лично. Состояло оно в следующем: в литровую кружку воды добавлялось определенное количество уксуса или марганцовки, все это размешивалось; далее полученный коктейль надлежало выпить, чтобы спровоцировать рвоту; засунуть в рот два пальца, и с помощью воздействия на малый язычок «освободить желудок» путем понятного процесса.

Если сначала я еще пыталась честно, но без особого энтузиазма выполнять все эти процедуры (вообще все происходившее со мной в детстве я воспринимала или с «овощной» покорностью или, ненадолго взбунтовавшись, – с неубедительным инфантилизмом), то потом сочла необходимым разными, совершенно маразматическими на посторонний взгляд, средствами упрощать до минимума их выполнение.

Примерно в тот же период, мама как раз уволилась с работы, чтобы посвятить себя целиком нашему воспитанию, и мы втроем начали «изучать» Подмоскovie: выбирали какой-нибудь город и ехали в него для ознакомления на местности. Все бы ничего, но тогда же возникла традиция «ходить босиком», будь то город, транспорт или лес. На нас показывали пальцами, странно смотрели, что заставляло меня чувствовать себя «не в своей тарелке», как минимум, не говоря уже о весьма сомнительной пользе подобных хождений, о которой я, правда, даже не задумывалась.

Но неприятные моменты на этом не заканчивались: отсутствие денег вынуждало нас не оплачивать проезд как в электричке, так и в метро. И тут взяла свое начало еще одна традиция, ежедневно (если пройти за турникеты другим способом не получалось) «выклянчивать бесплатный проход у контролера», обострявшая мое чувство пребывания меня «не в своей тарелке». Пока мама, часто на повышенных тонах или просто вследствие ее громкого голоса, объясняла контролеру любого вида транспорта и так «очевидные» факты, предоставлявшие в наше распоряжение право пользоваться бесплатным проходом за пределы пропускных пунктов, я, стоя рядом, ощущала на себе любопытные взгляды проходивших мимо пассажиров, что совсем не казалось мне приятным.

В тот же период у мамы появилось «чувство», что за нами «ходят», а в нашей квартире «бывают», впоследствии ставшее уверенностью. Должна заметить, что подкрепляя его своими

глупыми выдумками (за которые в назидание я сполна расплатилась в дальнейшем, но которые на тот момент неосознанно воспринимались мной как захватывающая игра, где мои «важные сведения», подтверждавшие подобное положение вещей, были нужны и заодно давали мне ощущение собственной значимости), я поощряла развитие этого «чувства», не соображая к каким последствиям может привести мое добровольное потакание маминым фантазиям.

Вообще придумывание всякой ахинеи явно меня занимало. Наслушавшись маминих рассказов о ее непростой жизни в квартире свекрови и свекра (более трех первых лет моей жизни прошли в тот же период в той же квартире), я стала сочинять такую, реально омерзительную, галиматень о бабушке с дедушкой, что просто удивительно, как мама во все это верила, вместо того, чтобы устроить мне душеспасительную взбучку, дабы у меня отпала охота на людей наговаривать.

Сейчас, по прошествии стольких лет, вспоминая события тех «смутных времен», мне кажется, что моя личность начала выходить из многослойного застоя атрофированного подчинения и делать первые попытки самостоятельного развития (или определения) лишь после достижения мной тридцати... летнего возраста.

Но это я слишком забегаю вперед. В тот же период (1990—1992 гг.) мама стала увлекаться нетрадиционной медициной, йогой, астрологией – благо за подобные увлечения уже не грозило «загребеть» в сумасшедший дом. Мне и тут захотелось «отличиться», путем «самонаблюдения» у меня экстрасенсорных способностей: умения видеть ауру или телепортироваться из комнаты в комнату. Некоторое время спустя, когда мама рассказывала о моих «опытах» (в моем присутствии) своей знакомой, увлекающейся и практикующей те же вещи, знакомая не стала «прилюдно» изобличать меня в обмане, хотя и догадалась, что все мои «способности» не более чем химера.

Вообще моя склонность придумывать всякие глупости ускорила обрушение на мою голову целой лавины проблем. В одну из наших поездок в Загорск (Сергиев-Посад) у меня возникла «гениальная» идея порадовать маму, вернув ей растраченные в то далекое «сегодня» деньги. То есть попросту, когда мы с сестрой были оставлены одни около магазина для ее ожидания на достаточно длительный период времени, я подошла к двум оказавшимся рядом мужчинам и очень правдоподобно насочиняла им жалостливую сказку, подробности которой сейчас не помню, но смысл ее сводился к денежному вспомоществованию. Эффект превзошел мои ожидания. Нам не только дали денег, но решив, что нам негде жить, стали активно предлагать помощь. Это не входило в мои планы, так как мама могла появиться в любой момент и, выяснив обстоятельства дела, устроить мне хорошую трепку, поэтому надо было срочно изыскать способ, чтобы освободиться от вспомоществовавших. Не помню каким образом мы это сделали, но все обошлось без разоблачений.

Произошедший инцидент положил начало еще одной многолетней традиции «попрошайничать»: на рынках Москвы и Подмосковья – фрукты, овощи, сало (мама гордилась, что она наполовину украинка), колбасу, вообще все, что приглянется, у прохожих – деньги. И вот тут мой энтузиазм рассказывать жалостливые сказки резко закончился, оставшись в городе Загорске. Просить мне было от «очень стыдно» до «как-то некомфортно» и я старалась незаметно стянуть, чтобы не отставать от матери или сестры, которая была намного непосредственней меня и не заморачивалась по этому вопросу. Однако, обнаружив мою склонность к «стягиванию», мама весьма доходчиво объяснила мне, что воровать нехорошо, а еще хуже подначивать сестру просить вместо себя. В общем, пришлось мне заниматься самопреодолением, периодически находя лазейки для увиливания от этого занятия.

Тем временем мамини фантазии, очень быстро перестав нуждаться в моих поддакивающе-подтверждающих их выдумках, стали усиливаться. Она написала не одно заявление в милицию с просьбой установить наблюдение за нашей квартирой, таскала меня к участковому в качестве «свидетеля» (сестра тоже присутствовала при этих визитах). Жалко, что участ-

ковый не «вывел меня на чистую воду», а только, наблюдая мою неуверенность, свидетельствовавшую о явно не чистой совести, умеренно потешался над нашим семейством. Теперь к неизвестной, «следящей за нами и посещающей нашу квартиру» «компании», добавилась известная и тоже «следящая за нами» «милиция». Мама пристрастилась постоянно «укреплять» входную дверь, окна, думала установить самодельную сигнализацию.

Наши еженедельные «очистительные» процедуры и хождение босиком дополнили новые добавления: массаж (о котором я расскажу позднее) и «прокачка», когда мы вдвоем становились перед зеркалом и начинали специальными движениями рук «гонять энергию» по телу. Утомительное занятие, совершенно не вызывавшее у меня бурного восторга. Кроме того, наша оздоровительная практика обогатилась трехдневными голоданиями, к которым я готовилась путем запасаания в разных местах квартиры съестных припасов.

Пятничные вечера или выходные мы стали проводить в «знакомствах» шапошного характера с арендаторами длинного ряда палаток на Новом или Старом Арбате, происходивших по схеме: сначала постучать, а потом попросить что-нибудь подарить или чем-нибудь угостить. Иногда арендаторы или прохожие одаривали нас физической и вербальной агрессией.

Прошло полтора года. Мои занятия в музыкальной школе натолкнули маму на новую мысль. В пасмурный майский день 1993-го мы отправились на Старый Арбат в новом качестве. Театр им. Вахтангова, раскладной стульчик, сидя на котором я что-то там играю на виолончели, портфель для денег, напротив магазин «Самоцветы» и мои первые 33 рубля. Подобные поездки на Арбат, к Большому театру, в галерею ЦУМа и даже на короткий период в ГУМ стали ежедневными, несмотря на погоду и время года. Первые несколько лет мы также ездили играть на аллеях перед «Вернисажем» на м. Измайловский парк (Партизанская). Игра мне давалась в разы легче, чем денежное попрошайничество, с которым в моем случае было покончено. Но новые неприятности уже маячили рядом.

Посещение концертных и «оздоровительных» мероприятий секты Аумсинрикё, которой московские власти предоставили совершенно шикарные условия для успешного осуществления ее деятельности, а также частное посещение штаб-квартиры той же секты в Москве, где мама чуть было не устроила скандал, =>

1

=> помогли маме сделать «открытие» поистине глобального масштаба. Она сумела «распознать» организованную япошками антигосударственную деятельность, к которой они подключали и русскоговорящее население, подвергая его предварительной обработке невменяемым состоянием.

Суть заключалась в следующем: каждый, кто носит черную сумку, портфель, кейс, визитку, рюкзак или «вызывает» у мамы своим нахождением рядом сонливость или различные неприятные ощущения был обозначен как «газовщик» и признан носящим распыляющий баллончик с Зарином или электромагнитный излучатель. В автомобилях и гаражах тоже обнаружилась дополнительная функциональность – скрытая радиоактивная установка, поэтому ходить рядом с ними в мамином присутствии грозило неприятностями.

Заявлением в милицию тут было не отделаться, и мы стали обивать пороги Московской мэрии. Не добившись очевидного результата, мама «осознала» результат неочевидный: радио, телевидение, рекламные стенды, печатные издания – все это превратилось в площадку для иносказательного «общения», ключ к пониманию которого она неизменно подбирала. Мы

¹ Вообще скандал следовал за нами всюду, где бы мы ни появлялись. Он имел не только внешне-социальную форму нашего существования, но и внутрисемейную: зареванно-опухшая физиономия с глуповато-трусливым выражением, которое я столь часто видела, смотря на себя в зеркало, являлась результатом абсолютно любых моих взаимоотношений с мамой. В совместных занятиях – в период обучения уборке (5—6 лет) мама сорвалась и избила меня ручкой щетки, обучение плаванию и рисованию имели идентичные методы – у меня сразу же прогрессировал испуг, сковывающая тупость и неуклюжесть, вызывавшие с ее стороны раздражение, повышенный тон и затрешины, а с моей – нескончаемые «сопли».

тоже должны были участвовать на добровольно-принудительной основе – как мы участвовали во всех ее начинаниях, потому что сопротивляться маминему высококлассному умению «выносить мозг» было нереально (не только нам, но вполне себе взрослым самостоятельным людям, которые просто сбегали), даже длительный бунт неизменно подавлялся – в расшифровке этого маразма, что иногда было и в наших интересах.

Между тем, уровень сделанного открытия вывел нас на межгосударственные просторы, что требовало постоянного внимания к поступающей «информации». Высшие чиновники государства маму «знали» и тонко «общались» с ней и между собой посредством прессы, телепрограмм, фильмов и видеоклипов. Сотрудники ФСБ, МВД и других государственных служб регулярно «бывали» в нашей квартире, где «находили» специально оставленные мамой записи, служившие им для доклада президенту или министрам. Помимо этого, мама ежедневно (на всю квартиру) толкала длинные, обличительного свойства, речи, подробно обрисовывавшие происходящее. Мы с сестрой хоть и имели роль слушателей (иногда хотелось закричать, чтобы она замолчала), однако «слушателями» основными выступали «прослушивающие нашу квартиру спецслужбы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.